

Научная статья

УДК 316.722:130.2

doi: 10.17223/22220836/47/9

ТРАДИЦИОННАЯ И НОВАЯ КУЛЬТУРА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СИНТЕЗ ИЛИ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ?

Гоар Сергеевна Мкоян¹, Максим Александрович Головчин²

¹ *Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна, Ереван, Республика Армения*

² *Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия*

¹ *goharmkoyansoc85@gmail.com*

² *mag82@mail.ru*

Аннотация. В статье определены характерные проявления традиционной и новой культур в жизни общества, разработана методологическая схема их изучения с опорой на социологические данные (на основе теоретических подходов Г. Хофстеде). В исследовании были выделены модусы традиционной культуры (семейные ценности, отношение к материальному достатку и т.д.), а также новые явления в общественном сознании населения постсоветских стран (интернет-активность, озабоченность здоровым образом жизни и т.д.). В заключение статьи определена взаимосвязь традиций и новшеств в жизни российского и армянского обществ, определены условия синтеза старых и новых образцов в целях развития культуры на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: культура, архетип, синтез, консюмеризм, корреляция

Для цитирования: Мкоян Г.С., Головчин М.А. Традиционная и новая культура на постсоветском пространстве: синтез или сосуществование? // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 47. С. 105–119. doi: 10.17223/22220836/47/9

Original article

TRADITIONAL AND NEW CULTURE IN THE POST-SOVIET SPACE: SYNTHESIS OR COEXISTENCE?

Gohar S. Mkoyan¹, Maxim A. Golovchin²

¹ *Khachatur Abovian Armenian State Pedagogical University, Yerevan, Republic of Armenia*

² *Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russian Federation*

¹ *goharmkoyansoc85@gmail.com*

² *mag82@mail.ru*

Abstract. The transition of the countries of the world to the sixth economic structure presupposes both socio-economic reforms and changes in the national culture, in which the orientation towards improving the quality of life, creativity and independence is more and more manifested. At the same time, traditions do not disappear. They are either synthesized with a new culture or coexist with its samples, often hindering the introduction of innovations.

The purpose of the work is to determine the vectors of development of traditional and new cultures of the population living in the territory of the former USSR. The authors tried to answer the question of what determines the life of representatives of the soviet and post-soviet generations – archaic, modern, the coexistence of traditions and innovations or their synthesis.

As part of the study, the characteristic manifestations of traditional and new cultures in society are highlighted, a methodological scheme for their study based on sociological data

(based on the theoretical approaches of G. Hofstede) is developed, which is tested on the materials of representative questionnaires conducted by the authors in 2016 among the urban population of Vologda (408 people interviewed) and Yerevan (250 people interviewed). The analysis compared the opinions of representatives of two generations: youth (under 30 years old) and the older generation (over 55 years old).

A qualitatively new result of the study was the original author's model of analysis of the manifestations of traditional and new cultures in society. It contains a set of sociological indicators corresponding to the typological features of culture (from the type of thinking that dominates in society to the attitude to social reality). Each of these indicators is distinguished by a different degree of manifestation in modern society and modern society.

Based on the analysis of the results of these surveys, the mods of traditional culture (family values, attitude to material wealth, etc.), as well as new phenomena in public consciousness (Internet activity, concern for a healthy lifestyle, etc.) were identified. On the example of the Russian and Armenian population, the significance of the institution of the family and archetypes for the formation of life values is considered. The role of the young generation in the formation of the "new culture" and the older generation in preserving the pattern of "a simple Soviet man" is defined.

In the conclusion, the interrelation of traditions and innovations in the life of Russian and Armenian societies is determined, the conditions for the synthesis of old and new samples of human life for the development of culture are clarified, the possible prospects of cultural genesis in the post-soviet space (tradation, countradradng, posttrading) are determined.

Keywords: culture, archetype, synthesis, consumerism, correlation

For citation: Mkojan, G.S. & Golovchin, M.A. (2022) Traditional and new culture in the post-soviet space: synthesis or coexistence? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 47. pp. 105–119. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/47/9

Введение

В последнее время ориентиры социально-экономического развития постсоветских стран стали заметно меняться в сторону перехода «на модель, основанную на инновациях и знаниях, производстве и экспорте высокотехнологической продукции» [1. С. 5]. А. Тоффлер считает, что подобные изменения в производстве и реальном секторе экономически накладывают отпечаток «на семейные отношения, на образ жизни, способы осуществления трудовой деятельности» [2]. В этой связи одна часть людей принимает новшества, а другая старается всячески избегать их, что в итоге формирует новый тип культуры.

Вопрос трансформации ценностного поля в эпоху глобальных экономических и социальных перемен в научной литературе поднимался неоднократно [3–7]. Большой вклад в развитие научной идеи трансформации социокультурных детерминант внес голландский культуролог Г. Хофстеде. В своих работах он исследовал ядро национальной культуры, под которой он понимает «коллективное программирование сознания, которое отличает членов одной группы или типа людей от других» (Hofstede, 2011). Как писал Хофстеде, «культуры в организациях коренятся в практиках явных и осознаваемых, тогда как культуры в обществе коренятся в ценностях (часто неосознаваемых)» [8]. Ученый представляет культуру как своеобразную «луковицу», в основе которой лежат ценности («сердцевина»), поверх которых наслаиваются символы, герои и ритуалы («культурные практики») [9].

Хофстеде разработал собственную типологию ценностей, основанную на «бинарных оппозициях»: добро / зло; чистота / грязь; красота / безобразие; естественность / неестественность; норма / аномалия; логика / парадокс; рациональность / иррациональность [Ibid.].

В целом наука склоняется к тому, что изменение ценностей в современном мире не имеет пока законченного характера, что приводит к совместному существованию (и в ряде случаев к синтезу) традиций и новшеств в жизни общества. Таким образом, «появление культурных новшеств вовсе не означает исчезновение культурных традиций» [10. С. 34]. Для описания этой динамики мы выделяем два социокультурных явления, на основе анализа проявлений которых в постсоветских странах выстроено наше исследование.

Первое явление – **традиционная культура** как способ организации жизнедеятельности, основанный на воспроизведении из поколения в поколение доминирующих в социуме ценностей [11. С. 36]. Ядро традиционной культуры – иерархическое, эталонное, циклическое, смысловое и символическое мышление, архетипы; неоспоримый характер этических норм; обобщение и отбор наиболее значимого для населения опыта, его аккумуляция и сохранение в групповой памяти [Там же].

Второе явление – **новая (посттрадиционная) культура**, являющаяся прямой противоположностью традиционной. В ее основе уже не опыт, а постоянное обновление смыслов жизни, технологий, а также постнеклассическое мышление (неуклонное нелинейное восхождение к новым жизненным достижениям, выход на более высокий уровень познания), трансгуманизм (использование достижений науки и техники для развития человека), ситуативная этика (изменение ценностей и норм поведения в зависимости от внешних факторов) и идеология потребления [12. С. 40]. Усиление посттрадиционного вектора в развитии общества связано с процессами расслоения традиционной культуры, «отделением от его архаического ядра реформаторской периферии» [Там же. С. 13].

В дальнейших теоретических рассуждениях мы будем основываться на теории Г. Хофстеде. Однако сразу отметим некоторые методологические ограничения, которые были обобщены в рамках анализа научной критики параметрической модели культур этого автора.

Концепция Хофстеде во многом считается канонической для кросскультурных исследований. В частности, параметрическая модель культур нашла широкое применение в работах В.П. Дубицкой и М.И. Тарарухиной [13], А. Наумова [14], Н.В. Латова и Ю.В. Латовой [15], а также была развита и дополнена в международной исследовательской программе GLOBE (Global Leadership and Organizational Behavior Effectiveness), идея которой была предложена Робертом Дж. Хаусом в 1991 г. [16]. Американский культуролог Г. Триандис в 1994 г. писал, что Хофстеде одному из немногих удалось «выявить взаимосвязь между географическим расположением стран и ценностными моделями» [17].

Несмотря на это признание, концепция голландского исследователя неоднократно подвергалась критике со стороны научной общественности. Так, в 2003 г. профессор из Новой Зеландии Р. Баскервиль-Морли написала статью с очень смелым и говорящим названием «Хофстеде никогда не изучал культуру» («Hofstede never studied culture»). В ней было заявлено о сомнительности исследования культурных явлений с точки зрения «бухгалтерского учета». Как написала Баскервиль-Морли, «числовые индексы и матрицы только ограничивают понимание культуры..., а ценностные аспекты воспринимаются поверхностно и наивно» [18. Р. 1–14]. Излишним, с ее точки зре-

ния, было также использование в работах Хофстеде понятий «культурная группа» и «группа людей, проживающих на одной территории» как одинаковых по смыслу и равных по значению [18].

В развитии идей Баскервилль-Морли Н. Холден высказывал сомнения, что в условиях стремительно меняющегося мира индикаторы «измерений культуры», предложенные Хофстеде в 80-х гг. XX в., остаются актуальными по сей день [19]. Подобное направление критики Хофстеде поддержал Б. МакСуинни, но он уже выразил несогласие не только с концептуальными положениями, но и с методикой «измерений культуры», указывая, в частности, на нерепрезентативность выборки, используемой исследователем [20]. К примеру, МакСуинни считает, что достаточно спорно судить о культурных особенностях нации исключительно по данным, собранным Хофстеде среди работников коммерческих организаций [Ibid.]. Помимо этого, выводы в исследовании были сделаны, главным образом, на основе информации о ценностных предпочтениях респондентов в трудовой деятельности, что явно недостаточно для формирования полной картины о национальной культуре [21. С. 129]. Проблему методики Хофстеде МакСуинни обозначает термином «crossloading». Это означает, что выводы по недостаточному количеству ответов респондентов нарушают статистическую целостность результатов исследования. Критике также подверглись дискретность параметров «измерений культуры» и использование средних значений для обобщения данных [20].

Сомнения в «прочности» методики Хофстеде высказывали также Т. Крюгер и Г. Рудт. Они, в частности, обратили внимание на недостаточную валидность опросника VSM, который был предложен исследователем в качестве инструментария [22].

В 2008 г. израильский исследователь Г. Айлон опубликовала полемическую заметку «Свет мой, зеркальце, скажи: „Культурные последствия“ в ценностном тесте собственного дизайна», в которой представила подробный критический анализ работы «Культурные последствия» (это, по существу, magnum opus Хофстеде, изданный в 1980 г.). Айлон задает очень глубокие культурологические вопросы, касающиеся связи идей книги с культурной средой Запада, в которой она создавалась, а также закономерно формировались личность и идеология самого автора [23. Р. 885]. Она говорит о том, что для книги характерна интерпретация культуры в измерениях ценностей западной цивилизации (капитализм, позитивизм, менеджмент и т.д.), которые близки Хофстеде, но не всему населению мира. Подобный ракурс, с точки зрения Айлон, «требует особой осторожности» при интерпретации данных, особенно, если речь идет об исследованиях в незападных странах [Ibid. С. 903].

Мнение Айлон частично разделяет Н. Джаррах. Он сомневается в корректности выводов Хофстеде, в частности, по Российской Федерации, поскольку «оценка российской культуры была произведена косвенным образом на основе вторичных источников» [24]. По мнению Джарраха, интерпретация культурных явлений в России с позиции концепции Хофстеде имеет ряд ограничений, среди которых «отсутствие еденного мнения о параметрах российской культуры и их изменениях; отсутствие сравнения с другими странами; возможное искажение из-за неоднородности культурных образцов; отсутствие стандартизации результатов при сравнении с другими работами;

отсутствие многоуровневости в понимании национальной культуры» [24]. Автор уверен, что в ходе анализа культурных влияний по параметрической модели Хофстеде целесообразно включать не одну, а несколько стран, совмещающая «количественные и качественных методы для конкретного контекста» [Там же].

Контекст полемики научной общественности с Хофстеде указывает на то, что использование его модели на примере конкретного государства или группы близлежащих стран предполагает ряд допущений. С одной стороны, в работах этого автора представлены подробная операционализация категории «культура», а также оценочные индикаторы, пригодные для использования в измерительных процедурах. С другой стороны, исследовательская схема Хофстеде весьма стандартизирована, ограничена рамками корпоративной культуры IBM, которая закономерно менее многогранна, чем любая национальная культура. Таким образом, в идеале применение параметрической модели культур должно сопровождаться ее адаптацией к рамкам национальной культуры. В частности, необходима проработка представления о культуре не только как о «биполярном» явлении (так она представлена у Хофстеде), а как о многомерном феномене, в рамках которого соседствуют противоположные образцы поведения (как традиционные, так и новые).

Итак, опираясь на параметрическую модель культур Г. Хофстеде, в своей работе мы обобщили характерные для традиционной и новой культуры ценностные образцы (таблица). Эти образцы «формируют социальные установки, мотивационную сферу, отношение к миру, когнитивные эталоны, стереотипы сознания, национальный характер» [25. Р. 14].

Образцы традиционной и новой культуры

Samples of traditional and new cultures

Черта	Традиционная культура	Новая (посттрадиционная) культура
Доминирующий тип мышления	Ценностно-смысловой	Технологический (инновационный), масс-медийный
Дистанцированность от власти (авторитетов)	Власть – основа общества. Уважение к старшему поколению	Право – основа общества. Перед старшим поколением нет особого страха и трепета
Избегание неопределенности	Высокий уровень напряжения, эмоциональности, тревожности в обществе	Низкий уровень напряжения, самоконтроля, тревожности в обществе
Отношение к ответственности	Коллективизм (ответственность берет на себя клан / семья). Потеря самоидентичности	Индивидуализм (каждый человек несет ответственность только за себя). Автономность (суверенность) личности
Отношение к гендерным ролям	Маскулинность. Максимальная дифференциация ролей	Фемининность. Минимальная дифференциация ролей
Отношение к социальному времени	Ориентация на прошлое и настоящее (самые важные события уже произошли). Устойчивость и стабильность. Цикличность	Ориентация на будущее (самые важные события произойдут в будущем). Приспособление к обстоятельствам. Тяга к динамизму, ускорению
Эмоциональность	Сдержанность. Низкий уровень счастья в обществе	Потворство желаниям. Высокий уровень счастья в обществе

Примечание. Разработано на основе «измерений культур», выделенных Г. Хофстеде и адаптированных авторами.

Как бы то ни было, при всей своей разнородности традиционная и посттрадиционная культуры – это два цикла общей динамики культуригенеза, которые неразрывно сосуществуют друг с другом [12. С. 13]. При этом каждое из исследуемых явлений самоценно по сути. Традиционная культура яв-

ляется вовсе не анахронизмом, а универсальным способом ценностно-смыслового формирования личности, «обеспечивающим его устойчивость в дискретном мире» (чего новая культура, отличающаяся ситуативностью, предложить пока не может) [12. С. 323]. А.С. Тимошук даже сравнивает ценностно-смысловое ядро традиционной культуры со «стволовыми клетками организма, которые хранят изначально здоровый генофонд и сопротивляются культурным мутациям» [Там же. С. 325]. Современное общество перерабатывает традиционные ценности как коммерческий продукт и ретранслирует их. Как следствие, возникают пост-традиции, мода на ретро и винтаж. В свою очередь, посттрадиционная культура создает онтологическую основу для жизни в новом мире, расширяя таким образом действие новаций; позволяет обществу идти «в ногу со временем»; придает импульс для развития «креативного класса», «работников знаний»; организует пространство генерации новых идей и нового образа будущего [26. С. 34].

Таким образом, предметом нашего исследования является не само право на существование традиционной и новой культур как таковых, а векторы их развития в обществе, которые определяются либо козволюцией, либо культурным конфликтом.

Методология исследования

Для достижения поставленной цели мы используем оригинальную методологическую модель исследования проявлений традиционной и новой культур в обществе. В рамках данной модели проводилась операционализация понятий «традиционная культура» и «новая культура» путем выделения социологических показателей, напрямую соотносимых с типологическими чертами культур (рис. 1).

Рис. 1. Методологическая модель исследования традиционной и новой культур. Источник: Разработано авторами

Fig. 1. Methodological model for the study of traditional and new cultures

Согласно разработанной методологии, доминирующему типу мышления как критерию состояния культуры соответствуют показатели частоты обращения к интернет-ресурсам и отношения к материальному достатку; дистанцированности от авторитетов и отношению к ответственности – уважение к семье и близким родственникам, а также готовность оказать помощь старшим; избеганию неопределенности, отношению к социальному времени и эмоциональности – оценка будущих жизненных перспектив; отношению к гендерным ролям – внимание к общению с детьми в семье со стороны мужчин и женщин.

Далее мы приводим несколько рассуждений о проявлениях традиционной и новой культуры в соответствии с разработанной методологической моделью среди жителей двух постсоветских стран – Российской Федерации и Республики Армения.

Традиционная культура

Время, безусловно, накладывает отпечаток на культуру населения. В обществе происходят следующие трансформации: стратегии выживания сменяются стратегиями самореализации; проявляется стремление к улучшению качества жизни, демонстрируются ценностные ориентации на «рыночно-предпринимательское поведение» [27. С. 105].

В то же время в духовной сфере значительную роль продолжают играть традиции, сложившиеся за многие годы, которые, как мы выяснили, воплощаются, прежде всего, в особой роли, которая отводится семейным узам, сохранению уважительного и почтительного отношения к родителям и прародителям. К примеру, россияне в поиске первостепенных нравственных идеалов, на поступки которых следовало бы равняться, останавливают свой выбор на близких по крови людях, а не на «медийных» персонах (политиках, писателях, музыкантах, актерах, общественных деятелях) [28. С. 115]. Это правило безоговорочно действует, если в пример приводятся поступки родителей, которые для респондентов оказываются ценнее, чем действия первых лиц государства. Это подтверждает то, что значимость родства и родственных устоев для населения первостепенна, даже несмотря на кризис семьи и трансформацию брачно-семейного и репродуктивного поведения [29. С. 21].

Особенно ярко семейные традиции проявляются в армянском обществе, члены которого безоговорочно считают необходимым уважение к семье. В этом вопросе единодушно как старшее, так и молодое поколение. Важно, что в ракурсе семейных ценностей молодые армяне в 100% случаев как должное принимают миссию заботы о старшем поколении [30].

Традиционная культура в жизни человека в бывших социалистических республиках также связана с существованием в общественном сознании определенных архетипов. Как пишут многие исследователи (Л.Д. Гудков, Ю.А. Левада, А.Г. Левинсон, В.В. Радаев и др.), это находит свое отражение в сохранении антропологического типа «простого советского человека» (в своем роде культурной коллективной памяти людей, объединенных общим историческим прошлым в СССР) [31. С. 51]. Типичными чертами данного типа являются сильный государственный патернализм; высокая адаптивность к жестким социально-экономическим условиям и административным методам управления; апатичность, безучастность к явлениям общественной и полити-

ческой жизни; низкая протестная активность; стремление к коллективизму, космополитизму; желание «быть как все, не выделяться среди других» [32].

Многие из перечисленных свойств «по наследству» переходят от «поколения отцов», имеющего «опыт сознательной советской жизни», к молодежи, вовсе не жившей в СССР [31. С. 51]. В частности, проявление этого можно найти в том, что понимание достойной жизни в общественном сознании зачастую завязано на представлениях о материальном достатке. Для советского человека деньги из средства достижения смысла жизни в ряде случаев становились самым смыслом жизни, создающим «иллюзорный контроль над реальностью» в рамках гипертрофированной коллективной ответственности [12. С. 54]. Подобная тенденция имеет место и в современном обществе, отчасти в силу сохранения традиции коллективной ответственности.

Примат материальных ценностей накладывает свой отпечаток на трудовое поведение населения. В настоящее время для молодых россиян (до 30 лет) в большинстве случаев в работе важным является конкурентоспособность заработка, а не возможность приносить пользу окружающим людям, реализовывать и развивать свои личностные и профессиональные качества, общаться с коллегами [28]. Отметим, что представители старшего поколения (старше 55 лет) подобными ориентирами руководствуются ничуть не реже, что еще раз подтверждает наследование архетипов [Там же].

Таким образом, для постсоветских стран характерным является распространенность явления «органической солидарности» (по терминологии Э. Дюркгейма), в силу которого общие нормы и ценности цементируют связь между поколениями. Подобные детерминанты, с одной стороны, являются частью коллективной памяти, с другой стороны, их распространение объясняется социально-экономическими причинами. Так, традиционная культура находится на более высоких уровнях пирамиды потребностей именно в переходные периоды истории, когда фундаментальные нужды общества до конца оказываются неудовлетворенными.

Новая культура

Акцент на обладании финансовыми ресурсами, накопительство в некотором роде являются следствием «экономической уравниловки», а также «принудительно-коллективного быта» в советские времена, что в некотором роде играло роль фундамента для развития культуры «простого советского человека». Вместе с тем стремление к деньгам, желание «получить от жизни как можно больше удовольствий» нынешнее постсоветское поколение не сводит только к пассивному гедонизму, поскольку это необходимо для осознания себя в качестве автономной личности, свободной от родительской и иной опеки.

Таким образом, в жизненных представлениях и стандартах населения честолюбие и амбиции постепенно сменяются ориентированностью на успех и карьерные достижения, а утробное отношение к социальным ценностям и институтам, характерное для общества потребления, теряет свою актуальность.

В этом плане среди населения до 30 лет все реже встречаются люди, восхищающиеся предметами роскоши (дорогими домами и машинами) [30]. Подобные черты характеризуют «реформенное» поколение (так называемых «миллениалов»), период взросления которого пришелся на начало XXI в. Именно с этим поколением В.В. Радаев связывает процесс постепенного исчезновения архетипа «простого советского человека» с горизонта ценностных трансформаций [31. С. 51].

Представители современного поколения, несущие образчики посттрадиционной культуры в массы, в отличие от своих родителей, более активны в проведении досуга, лучше оснащены инструментально, более амбициозны (ориентированы на поиск условий для успеха, а не накопительство), озабочены здоровым образом жизни. Помимо этого, молодое население отличается высоким уровнем субъективного благополучия. Так, согласно социологическим данным, среди молодых армян 70% с надеждой смотрит в будущее (среди старшего поколения – 66%); среди российской молодежи – 53% (среди старшего поколения – 50%) [33].

Отметим, что уверенность в будущем новое поколение черпает в «сторонах жизни, в меньшей степени связанных с профессией» [34. С. 6]. Для молодых армян залогом счастья и уверенности в жизни чаще выступает любовь, тогда как для представителей советского поколения – деловая репутация и багаж знаний [30].

Подобное несовпадение интересов время от времени приводит к недопониманию, межпоколенческим конфликтам. В общественном сознании стремление молодежи к «успеху» все реже связывается с образованием, трудолюбием и все чаще – с наличием связей, знакомств, «умением идти напролом, добиваться своих целей любой ценой». Из-за этого представители старшего поколения указывают на отсутствие чувства долга и стыда в современном социуме, чего не было в советский период. Например, быть необразованным в СССР было постыдным, а сейчас приемлемо, чтобы человек достиг высоких должностей, даже в государственной сфере, без соответствующей подготовки, квалификации. На этом фоне жители Армении старше 55 лет часто считают, что «всем необходимо стремиться получать высшее образование». Среди молодежи подобная точка зрения не столь распространена, что говорит о размывании ценностного ряда «простого советского человека» [Там же]. Отказ от ценностей «советского образца» проявляется также в пренебрежении следованию не только образовательному, но и профессиональному пути родителей. Так, все меньше россиян считают себя продолжателями профессиональных традиций своей семьи, что говорит о стремлении к индивидуализму, самовыражению, самостоятельному планированию собственной жизни [33].

Нельзя не отметить то, что во многом благодаря молодежи роль нового ресурса общения и самовыражения играют интернет и сетевые платформы. В жизнь россиян мировая сеть проникла несколько глубже. Согласно данным опросов, в России интернет-пользователями являются 99% молодых респондентов (до 30 лет) и 44% представителей старшего поколения (старше 55 лет); в Армении – 54 и 23% соответственно [Там же]. Различия в сетевой

активности обусловлены, скорее всего, тем, что многие люди старших возрастов не владеют компьютерной техникой и необходимыми для пользования интернетом компетенциями в должной мере.

Потеря социального оптимизма как «атрибутивного свойства молодости» вследствие углубления в интернет-пространство чревато сужением горизонта планирования, а также инновационной восприимчивости поколения, уходом в деструктивные практики. Это создает риск появления «бинарной культуры», построенной на остроконфликтных оппозициях, социальных взрывах и расколах [12. С. 57].

Таким образом, на примере Вологды и Еревана мы видим, что на постсоветском пространстве создается ситуация, в рамках которой наибольший вклад в волну общественных изменений вносит переходное (реформенное) поколение. Оно без особого труда осваивает многие новые практики (цифровые технологии, гаджеты и т.п.) и на этой основе пытается изменить свое представление о морали, а также жить в тех границах, которые создает новая социальная среда [31. С. 60].

Заключение

Все вышесказанное свидетельствует то, что на современном постсоветском пространстве сформировалась «полярная культура». Традиционные основы жизни общества в настоящее время скорее сосуществуют с новыми явлениями, но делают это не всегда мирно. В жизни двух исследуемых городов традиции и новшества тесно переплетаются друг с другом и далеко не всегда согласуются.

Мы увидели, что в практике общественного развития активно функционируют механизмы генетической передачи стиля и образа жизни от поколения к поколению. Традиции ярко проявляют себя в дистанцированности власти (вера в авторитеты, уважение к старшему поколению), сохранению некоторых архетипов коллективной ответственности в рамках семейных ценностей, сдержанности в социальном поведении (что проявляется в заботе о материальном благосостоянии, накопительстве), стремлении к образованности как основе стабильности.

В то же время на авансцену выходит молодежь, которая «вошла во взрослую жизнь в реформенный и постреформенный период и не имеет собственного советского опыта» [31. С. 60]. Вместе с нею в жизнь общества входят образцы новой культуры – индивидуализм, атомизм, потребительские настроения, консюмеризм, широкий горизонт планирования (ориентация на будущее), озабоченность состоянием здоровья.

При этом место института, вокруг которого будут формироваться новые нормы, коммуникации, по существу остается вакантным. Как мы ранее увидели на материалах социологических исследований, следование традиционным ценностям в ряде случаев приводит к «перекосам» (снижение роли мужчин в процессе социализации детей, сведение человеческих потребностей к материальной выгоде, нежелание молодежи следовать наставлениям родителей в выборе образовательных и трудовых траекторий), и поэтому они воспринимаются далеко не всеми. Интернет как агент социализации пока не

вносит заметного вклада в формирование новых позитивных эталонов поведения и, более того, создает риски снижения социальной активности.

Помимо этого, структурная трансформация экономики и общества на постсоветском пространстве пока не приносит заметных результатов, поскольку ставит интересы общества на второй план. По логике экономических реформ в настоящем виде предполагается, что сначала должны пройти необходимые технические преобразования, внедрены новые технологии, а затем автоматически улучшится жизнь населения. Однако население не склонно оказывать поддержку реформам, так как не ощущает улучшений условий своего существования. В ряде случаев это приводит к единодушному недоверию государственным инициативам, что способствует слому в общественном сознании традиционной модели «власть – основа социальной стабильности». Примерами этого являются массовые протесты против увеличения пенсионного возраста по так называемому «жесткому варианту» (на 5 лет для мужчин и на 8 лет для женщин без переходного периода) в России (во второй половине 2018 г.) и события «бархатной революции» в Армении (в апреле 2018 г.).

Снижение показателей экономического развития, деиндустриализация и растущая безработица после распада Советского Союза не способствуют «инновационному переходу», а современные процессы модернизации не получают необходимой поддержки от общества. Так, известный американский социолог Ф. Фукуяма, характеризуя особенности постсоветского развития, отмечает, что «отсутствие рыночной конкуренции в бывших коммунистических странах не только приводит к росту бедности, но и препятствует деятельности демократических институтов, проявлению столь необходимой поддержки общества» [35].

Отметим, что дальнейшее взаимодействие традиционной и новой культур в постсоветском обществе может иметь несколько возможных перспектив развития:

1. Традирирование – разумное сочетание элементов старой и новой культур с опорой на ценностно-смысловое ядро традиций (например, подобный синтез свойствен для культуры Японии) [12. С. 294];

2. Конттрадирование – дальнейшее развитие традиционной культуры на основе ее демонтажа и наполнения новым содержанием (это то, что по существу происходит сейчас в европейском обществе) [Там же];

3. Посттрадирование – вытеснение традиционных ценностей образцами новой культуры (примером такого процесса служат аккультурация и вестернизация, характерные для большинства стран третьего мира) [Там же].

В первом случае традиционная и новая культуры продолжают сосуществовать и идти «нога в ногу»; во втором – происходит «культурная революция» с сильным изменением образцов традиционного общества; в третьем – традиции полностью подменяются новшествами, что гипотетически может привести к потере культурной идентичности народов, проживающих на той или иной территории.

С нашей точки зрения, в постсоветском обществе новшества должны развиваться на основе «наследования неизменного ценностно-смыслового

ядра» национальной культуры. В настоящее время существуют предпосылки формирования на постсоветском пространстве подобного ядра вокруг семьи как концепта, феномена, общности и социального института. Поэтому мы считаем, что необходимо максимально поднять уровень осознания идеи семьи у современной молодежи путем введения в школьный курс забытого с советских времен предмета «Семьеведение» (подобный опыт есть у РФ), организации школ молодых родителей и т.п.

Отметим, что новую культурную политику в постсоветских странах (в силу наличия общих проблем) следует представить в формате международного мегапроекта, охватывающего целый комплекс вопросов – от становления национального самосознания до решения проблем социальной сферы и качества жизни населения.

Список источников

1. Журавлева Г.П. Социально-экономическое развитие Содружества Независимых Государств (СНГ) // Вестник МИЭП. 2012. № 3 (8). С. 5–18.
2. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 800 с.
3. Sztompka P. The Sociology of Social Change. Oxford and Cambridge: Black-well, 1993. 416 p.
4. Huntington Samuel P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York : Simon & Schuster, 1998. 368 p.
5. Black C.E. The Dynamics of Modernization. New York : Harper & Row, 1966. 207 p.
6. Пахно И.В. Инновационная активность и новообразования личности: метасистемный подход // Психология в экономике и управлении. 2015. № 1. С. 16–25.
7. Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России: социокультурный аспект // Социальная траектория реформируемой России. Новосибирск : Наука, 1999. С. 149–167.
8. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture. 2011. № 2 (1). URL: <https://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8/> (accessed: 30.08.2018).
9. Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind. London : McGraw-Hill U.K., 2010. 561 p.
10. Акулич М.М. Традиционная и инновационная культура в полиэтническом обществе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2010. № 3. С. 34–40.
11. Даренская В.Н. Традиционная культура как источник экзистенциального опыта // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 36–43.
12. Тимошук А.С. Традиционная культура: сущность и существование. Владимир : Владимир. юрид. ин-т ФСИН России, 2018. 431 с.
13. Дубицкая В.П., Тарарухина М.И. Быть ли России Америкой? Российское исследование управленческой культуры по методике Герта Хофстеде // Социологический журнал. 2010. № 4. С. 42–65.
14. Наумов А. Хофстидово измерение России (влияние национальной культуры на управление бизнесом) // Менеджмент. 1996. № 3. С. 70–103.
15. Латов Ю.В., Латова Н.В. Российская экономическая ментальность на мировом фоне // Общественные науки и современность. 2001. № 4. С. 31–43.
16. Javidan M., Stahl G.K., Brodbeck F., Wilderom C.P.M. Cross-border transfer of knowledge: Cultural lessons from project GLOBE // Academy of Management Executive. 2005. № 19 (2). P. 59–76.
17. Triandis H.C. Culture and Social Behavior. New York : McGraw-Hill, Inc., 1994. 360 p.
18. Baskerville-Morley R.F. Hofstede Never Studied Culture // Accounting, Organizations & Society. 2003. № 28 (1). P. 1–14.
19. Holden N. Cross-Cultural Management: A Knowledge Management Perspective. London : Financial Times; Prentice Hall, 2002. 328 p.
20. McSweeney B. Hofstede's Model of National Cultural Differences and Their Consequences: A Triumph of Faith – A Failure of Analysis // Human Relations. 2002. № 55 (1). P. 89–118.

21. Андреева Т.Е. Роль и место концепции культурных измерений Г. Хофштеде в современной теории управления // Вестник СПбГУ. Сер. 8: Менеджмент. 2006. №4. С. 122–133.
22. Kruger T., Roodt G. Hofstede's VSM-94 revisited: Is it reliable and valid? // SA Journal of Industrial Psychology. 2003. № 29 (1). С. 75–82.
23. Ailon G. Mirror, Mirror on the Wall: "Culture's Consequences" in a Value Test of Its Own Design // The Academy of Management Review. 2008. № 33 (4). Р. 885–904.
24. Джаррах Н. Ограничения методологии исследования национальной культуры Хофстеде и его репликации на примере России // Инновации и инвестиции. 2014. № 5. С. 229–234.
25. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations. Sage, Thousand Oaks, CA, 2001. 596 p.
26. Мелик-Гайказян И.В. Новая культура для новых людей // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 7 (148). Р. 33–44.
27. Измеров А.И. Влияние модернизации на экономическое поведение россиян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 2. С. 105–108.
28. Головчин М.А. Молодежь и социальная перспектива: региональный опыт исследования // Проблемы развития территории. 2016. № 2 (82). С. 112–122.
29. Клинцева М.Н. Современная российская семья: основные тренды // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2018. № 1 (197). С. 20–24.
30. Мкоян Г.С. Сравнительный анализ трансформации социокультурных ценностей двух возрастных групп в армянском обществе (по методике М. Рокича) // Научная мысль. 2017. № 2 (24). С. 31–35.
31. Радаев В.В. Прощай, советский простой человек! // Общественные науки и современность. 2018. № 3. С. 51–65.
32. Какие черты советского человека унаследовал современный россиянин. Проект Левада-центра под названием «Советский простой человек» // Радио Свобода. URL: <https://www.svoboda.org/a/24332717.html> (дата обращения: 21.08.2018).
33. Головчин М.А., Мкоян Г.С. Молодежь на постсоветском пространстве в условиях ценностной трансформации общества (на примере России и Армении) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 3. С. 215–229. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.14
34. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029
35. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2004. 730 с.

References

1. Zhuravleva, G.P. (2012) Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv (SNG) [Socio-economic development of the Commonwealth of Independent States (CIS)]. *Vestnik MIEP*. 3(8). pp. 5–18.
2. Toffler, E. (1999) *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Translated from English. Moscow: AST.
3. Sztomпка, P. (1993) *The Sociology of Social Change*. Oxford and Cambridge: Blackwell.
4. Huntington, S.P. (1998) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.
5. Black, C.E. (1966) *The Dynamics of Modernization*. New York: Harper & Row.
6. Pakhno, I.V. (2015) Innovatsionnaya aktivnost' i novoobrazovaniya lichnosti: metasisistemnyy podkhod [Innovative activity and personality neoplasms: a metasystem approach]. *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii*. 1. pp. 16–25.
7. Zaslavskaya, T.I. (1999) Transformatsionnyy protsess v Rossii: sotsiokul'turnyy aspekt [Transformation process in Russia: a socio-cultural aspect]. In: Zaslavskaya, T.I. & Kalugina, Z.I. (eds) *Sotsial'naya traektoriya reformiruemoy Rossii* [Social trajectory of the reformed Russia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 149–167.
8. Hofstede, G. (2011) Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. *Online Readings in Psychology and Culture*. 2(1). [Online] Available from: <https://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8/> (Accessed: 30th August 2018).
9. Hofstede, G. (2010) *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. London: McGraw-Hill U.K.
10. Akulich, M.M. (2010) Traditsionnaya i innovatsionnaya kul'tura v polietnicheskom obshchestve [Traditional and innovative culture in a multi-ethnic society]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 3. pp. 34–40.

11. Darenskaya, V.N. (2014) Traditsionnaya kul'tura kak istochnik ekzistentsial'nogo opyta [Traditional culture as a source of existential experience]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University*. 1. pp. 36–43.
12. Timoshchuk, A.S. (2018) *Traditsionnaya kul'tura: sushchnost' i sushchestvovanie* [Traditional culture: essence and existence]. Vladimir: Vladimir Law Institute of Federal Penitentiary Service of Russia.
13. Dubitskaya, V.P. & Tararukhina, M.I. (2010) Byt' li Rossii Amerikoy? Rossiyskoe issledovanie upravlencheskoy kul'tury po metodike Gerta Khofstede [Should Russia be America? Russian study of managerial culture according to the method of Gert Hofstede]. *Sotsiologicheskii zhurnal – Sociological Journal*. 4. pp. 42–65.
14. Naumov, A. (1996) Khofstidovo izmerenie Rossii (vliyanie natsional'noy kul'tury na upravlenie biznesom) [Hofstede's dimension of Russia (influence of national culture on business management)]. *Menedzhment*. 3. pp. 70–103.
15. Latov, Yu.V. & Latova, N.V. (2001) Rossiyskaya ekonomicheskaya mental'nost' na mirovom fone [Russian economic mentality against the global background]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 4. pp. 31–43.
16. Javidan, M., Stahl, G.K., Brodbeck, F. & Wilderom, C.P.M. (2005) Cross-border transfer of knowledge: Cultural lessons from project GLOBE. *Academy of Management Executive*. 19(2). pp. 59–76.
17. Triandis, H.C. (1994) *Culture and Social Behavior*. New York: McGraw-Hill, Inc.
18. Baskerville-Morley, R.F. (2003) Hofstede Never Studied Culture. *Accounting, Organizations & Society*. 28(1). pp. 1–14.
19. Holden, N. (2002) *Cross-Cultural Management: A Knowledge Management Perspective*. London: Financial Times; Prentice Hall.
20. McSweeney, B. (2002) Hofstede's Model of National Cultural Differences and Their Consequences: A Triumph of Faith – A Failure of Analysis. *Human Relations*. 55(1). pp. 89–118.
21. Andreeva, T.E. (2006) Rol' i mesto kontseptsii kul'turnykh izmereniy G. Khofshtede v sovremennoy teorii upravleniya [The role and place of G. Hofstede's concept of cultural dimensions in modern management theory]. *Vestnik SPbGU. Ser. 8: Menedzhment*. 4. pp. 122–133.
22. Kruger, T. & Roodt, G. (2003) Hofstede's VSM-94 revisited: Is it reliable and valid? *SA Journal of Industrial Psychology*. 29(1). pp. 75–82.
23. Ailon, G. (2008) Mirror, Mirror on the Wall: "Culture's Consequences" in a Value Test of Its Own Design. *The Academy of Management Review*. 33(4). pp. 885–904.
24. Jarrah, N. (2014) Ogranicheniya metodologii issledovaniya natsional'noy kul'tury Khofstede i ego replikatsii na primere Rossii [Limitations of the Hofstede National Culture Research Methodology and Its Replication on the Example of Russia]. *Innovatsii i investitsii*. 5. pp. 229–234.
25. Hofstede, G. (2001) *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations*. Sage, Thousand Oaks, CA.
26. Melik-Gaykazyan, I.V. (2014) New culture for new people. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 7(148). pp. 33–44. (In Russian).
27. Izmerov, A.I. (2014) Vliyanie modernizatsii na ekonomicheskoe povedenie rossiyan [Influence of modernization on the economic behavior of Russians]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki – Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2. pp. 105–108.
28. Golovchin, M.A. (2016) Youth and Social Perspective: Regional Experience of Studies. *Problemy razvitiya territorii – Problems of Territory Development*. 2(82). pp. 112–122. (In Russian).
29. Klintsova, M.N. (2018) Modern Russian Family: Main Trends. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Seriya: Obshchestvennye nauki – University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series*. 1(197). pp. 20–24. (In Russian).
30. Mkoyan, G.S. (2017) Sravnitel'nyy analiz transformatsii sotsiokul'turnykh tsennostey dvukh vozrastnykh grupp v armyanskom obshchestve (po metodike M. Rokicha) [Comparative Analysis of the Transformation of Socio-Cultural Values of Two Age Groups in the Armenian Society (according to the Method of M. Rokeach)]. *Nauchnaya mysl'*. 2(24). pp. 31–35.
31. Radaev, V.V. (2018) Farewell to the Soviet ordinary man. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* – *Social Sciences and Contemporary World*. 3. pp. 51–65. (In Russian). DOI: 10.7868/S0869049918030048
32. Radio Svoboda. (n.d.) *Kakie cherty sovetskogo cheloveka unasledoval sovremennyy rossiyanin. Proekt Levada-tsentra pod nazvaniem "Sovetskiy prostoy chelovek"* [What features of a Soviet

person have inherited a modern Russian. Levada Center project “Soviet simple man”. [Online] Available from: <https://www.svoboda.org/a/24332717.html> (Accessed: 21st August 2018).

33. Golovchin, M.A. & Mkoyan, G.S. (2018) Youth in Former Soviet Republics in Conditions of Value Transformation of Society (Case Study of Russia and Armenia). *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz – Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 3. pp. 215–229. (In Russian). DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.14

34. Radaev, V.V. (2018) Millennials compared to previous generations: an empirical analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 3. pp. 15–33. (In Russian). DOI: 10.7868/S0132162518030029

35. Fukuyama, F. (2004) *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity]. Moscow: AST.

Сведения об авторах:

Мкоян Г.С. – кандидат социологических наук, преподаватель кафедры социологии и социальной работы Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна (Ереван, Республика Армения). E-mail: goharmkoyansoc85@gmail.com

Головчин М.А. – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения Вологодского научного центра Российской академии наук (Вологда, Россия). E-mail: mag82@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Mkoyan G.S. – Khachatur Abovian Armenian State Pedagogical University (Yerevan, Republic of Armenia). E-mail: goharmkoyansoc85@gmail.com

Golovchin M.A. – Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russian Federation). E-mail: mag82@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.03.2020;

одобрена после рецензирования 09.09.2020; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 06.03.2020;

approved after reviewing 09.09.2020; accepted for publication 30.08.2022.